

Лора Адамс

Лицу секс!
ЛЮБОВЬ
не предлагать

18+

Лора Адамс
Ищу секс! Любовь
не предлагать

<https://litres.ru/74039356>

SelfPub; 2026

Аннотация

Остросюжетная детективная драма из жизни европейских миллионеров. Страсть и насилие в атмосфере "Old money", люкса и респектабельности.

Содержание

Глава 1. Двойное предательство.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лора Адамс

Ищу секс! Любовь не предлагать

Глава 1. Двойное предательство.

Вступление: Двойное предательство

У меня была сказочная свадьба с моей студенческой любовью.

Мы с Брэндоном встречались четыре года.

Нет, правильнее сказать, что четыре года он меня добивался.

Весь первый курс он за мной ухаживал.

Я сказала «да» в первый день второго курса.

К концу третьего курса мы обручились.

Свадьба у нас была на следующий день после выпуска.

Друзья говорили, что мы созданы друг для друга.

Я была с ними согласна.

Это была сказочная свадьба, и я думала, что у нашей любви будет сказочный финал.

Принц и принцесса, которые жили долго и счастливо.

В нашем в остальном идеальном браке была только одна крошечная неполадка.

У Брэндона не вставал.

Он признался в этом в нашу брачную ночь.

Сказал, что не может.

Он разрыдался.

Я обняла его.

Я утешала его.

Все в порядке, сказала я.

Мне не нужен секс, чтобы любить его.

Платоническая любовь ведь тоже любовь, правда?

Вообще-то это означало, что мы поднялись на одну ступень выше по лестнице любви: от плотского к духовному.

Брэндон испытал облегчение.

Мы завершили наш брак объятием.

Брэндон был идеальным парнем.

И мужем он по-прежнему был идеальным.

Ну и что, что мы не могли заниматься сексом?

Я искала родственную душу, а не партнера для постели.

Я думала, секс не имеет значения, пока мы любим друг друга.

Господи, как же я ошибалась.

Брэндон мне изменил.

Не с моей сногшибательной лучшей подругой.

Не со своей аппетитной ассистенткой.

С моей мамой.

Вы уловили?

Сейчас, повторю.

Мой муж изменил мне с моей матерью.

С моей родной матерью, женщиной, которая девять месяцев носила меня в своей утробе.

Женщиной, которая вырастила меня, кормила, одевала и провела со мной тот самый разговор про пестики и тычинки.

Я до сих пор помнила, что она сказала.

«Девочка должна знать, как себя защитить, Сьюзан». Мама показала мне пачку презервативов. «Я не говорю, что тебе нельзя заниматься сексом до выпуска, но думаю, лучше подождать того самого, особенного человека».

Тогда я считала Брэндона своим «особенным человеком».

«У женщин тоже есть потребности. Выражать их совершенно естественно». Мама дала мне логин и пароль.

Это был аккаунт на сайте для взрослых.

У женщин и правда были потребности.

Моя мать была женщиной.

У нее были потребности.

И поэтому она залезла в постель к моему парню?

Они были так поглощены тем, что делали, что не услышали, как открылась дверь.

Надо признать, дверь была хорошая, с отлично смазанными петлями, которые не скрипели.

Но дверная ручка издала звук, когда я ее повернула.

Мои десятисантиметровые каблуки зацокали по мраморному полу, когда я вошла.

Моя сумка упала на пол с громким глухим стуком.

Они не слышали ничего.

Сначала я не поняла, что та женщина — мама.

Она лежала под Брэндонем, извивалась и стонала.

Ее длинные волосы растрепались и закрывали лицо.

Я видела спину Брэндона, голую, покрытую блестящей пленкой пота.

Он входил в женщину, обхватившую его ногами.

Он хрипло постанывал.

«А-а-а-а! Я кончаю!»

Голос у него был сильный, громкий и невероятно страстный.

Полный желания.

Со мной он никогда не говорил таким голосом.

Потом Брэндон выгнул спину.

Я увидела женщину под ним.

Она вцепилась ему в талию и кричала от экстаза.

Она открыла глаза.

Наши взгляды встретились.

Мама закричала, уже не от экстаза.

Брэндон вскочил и резко обернулся.

Он увидел меня.

Они оба были в чем мать родила, с глазами, затуманенными похотью.

Его футболка валялась на полу скомканным комом.
Ее кружевной лифчик лежал поверх нее.
Я посмотрела на пол.
Я посмотрела на Брэндона.
Я посмотрела на свою мать.
Я подняла правую руку и сильно ударила себя по лицу.
Было чертовски больно.
Ноготь на мизинце оцарапал щеку.
Ранка защипала.
О, значит, это был не сон.
Во сне ведь не чувствуешь боли, правда?
Я развернулась и ушла.
Мои каблукы цок-цокали по мраморному полу.
Звук был невозможной громкости.
Как они могли его не услышать?
Я едва не скатилась с лестницы.
«Сьюзан!»
Кто-то выкрикнул мое имя.
Мама или Брэндон?
Я не могла понять.
Мне казалось, будто я под водой.
Все вокруг расплывалось.
Я брела сквозь патоку.
Мои каблукы внезапно стали весить тонну.
Я снова ударила себя по лицу.
Все еще было больно, и это было плохой новостью.

Это подтверждало реальность.

Я не спала.

Это был не какой-то фрейдистский кошмар, придуманный мной во сне.

Я видела то, что видела.

Почему-то мысли вернулись к брачной ночи.

Брэндон сказал, что у него не встает.

Технически он не соврал.

У него действительно не получалось добиться эрекции, как бы сильно я ни пыталась его соблазнить.

Его поцелуи всегда были целомудренными.

Быстрый чмок в щеку.

Иногда у меня возникало чувство, что вместо того, чтобы обнять меня, он предпочел бы просто пожать мне руки.

Но всей правды Брэндон мне тоже не сказал.

У него не вставал, когда он был со мной.

Зато с моей матерью он был твердый, как клюв дятла.

Я видела это, ясно как день.

Мой мозг отключился.

Ноги сами вынесли меня из дома.

Я понятия не имела, куда иду.

Я шла домой, надеясь найти утешение в объятиях мужа.

Мой отец умер на прошлой неделе.

Похороны были настоящим кошмаром.

Я вымоталась до костей и пришла домой за теплом.

Я хотела объятий Брэндона и маминого пирога с курицей.

Не получила ни того ни другого.

Я вышла из дома как в трансе.

Закрыла ли я дверь?

Я не помнила.

Это не имело значения.

Пусть дом обворуют.

Пусть грабители заберут все, что захотят.

Мне больше не было дела.

Я продолжала идти.

Машины сигналили мне.

В конце концов их шум исчез.

Исчезли голоса людей.

Солнце скрылось.

Загорелись неоновые огни.

Ночь накрыла город.

Икры горели огнем.

Я продолжала идти.

Я остановилась только тогда, когда дорога закончилась.

Я подняла глаза и обнаружила, что стою на Харбор-Бридж.

Пятисотметровый арочный мост перекинулся через Шелковую реку.

Я стояла на пешеходном тротуаре.

Вода мягко плескалась о бетонные опоры.

Ветер растрепал мне волосы.

Я потрогала затылок.

Моя заколка-аллигатор пропала.

Длинные черные волосы хлестали меня по лицу, будто пытались привести в чувство пощечинами.

Я смотрела на тихую реку внизу.

В тихом омуте черти водятся, говорили люди.

Что могло скрываться под этой спокойной поверхностью?

Жили ли на речном дне чудовища?

Выжидали ли они своего часа, терпеливо ожидая, когда невезучий пешеход упадет в их разинутые пасти?

Историю о речном чудовище рассказал мне Брэндон.

У него не было имени, и считалось, что это существо похоже на аллигатора, с серо-зеленой кожей и рогом между глаз, как у единорога.

Мы часто приходили сюда гулять после ужина, когда еще встречались.

Брэндон всегда прятал руки в карманы брюк.

Я думала, он делает это, чтобы выглядеть круто, как другие парни в колледже.

Но теперь, если подумать, он делал это потому, что не хотел держать меня за руку.

Он рассказывал мне истории о речных чудовищах, чтобы испортить настроение.

Я опустила взгляд на свои руки.

На них был французский маникюр.

Белый лак немного облупился.

Ногти отросли слишком длинными.

После смерти папы у меня не было времени думать о таких вещах, как маникюр и педикюр.

Но руки все еще выглядели хорошо.

Пальцы у меня были длинные, тонкие, без мозолей.

Кожа — молодая, светлая, без изъязнов.

Почему Брэндон не хотел держать меня за руки?

Неужели я была настолько отвратительна, что он отказывался ко мне прикасаться?

Он не держал меня за руки.

Не целовался со мной по-настоящему.

Не заходил дальше первой базы.

Если я казалась ему такой непривлекательной, зачем он на мне женился?

Я сняла каблуки, перелезла через ограждение и села на цементный выступ.

Голые ноги свисали в воздухе.

Ночной ветер был прохладным.

В сорока метрах внизу мягкая волна накатила, зовя меня.

«Сюзан, иди к нам».

В тот день на мне было черное платье.

Как и каждый день всю последнюю неделю.

Мой отец умер.

Я была в трауре, помните?

Но, похоже, мама забыла.

Брэндон забыл.

Кто-то однажды сказал, что секс после похорон — это утверждение жизни.

Поэтому они это сделали? — подумала я.

Мое черное платье сливалось с черной ночью.

Меня никто не видел.

Я сидела на выступе очень, очень долго.

Так долго, что безымянное речное чудовище устало ждать и отправилось домой.

Зефир тоже устал играть с моими волосами и ушел домой.

Поверхность воды успокоилась.

Я осталась совсем одна.

Я подняла взгляд к ночному небу.

Луны сегодня не было.

Папа научил меня читать облака.

Он говорил, что безлунная, беззвездная ночь означает дождь утром.

Я ненавидела дождливые дни.

Я посмотрела вниз, на темную, безмятежную воду.

Если я прямо сейчас прыгну с моста, мне не придется завтра видеть дождь.

Мне не придется завтра смотреть в лицо маме и Брэндону.

Мне не придется мириться с тем, что я потеряла всех трех самых любимых людей в мире: папу, маму и Брэндона.

Больше, казалось, ничто не имело значения.

К тому же ноги устали.

Я больше не хотела идти.

Можно я просто отдохну здесь — навсегда?

Когда-то я читала, что взрослому человеку требуется около сорока секунд, чтобы утонуть.

Легкие наполняются водой, и ты задыхаешься.

Это невероятно болезненный процесс.

Но сорок секунд боли не казались такими уж долгими по сравнению с целой жизнью мучений.

Может, стоит попробовать.

В «Крестном отце» Питер Клеменца сказал: «Лука Брази спит с рыбами».

«Сегодня ночью Сюзан Финнеган спит с рыбами». Я хихикнула.

От высоты у меня кружилась голова.

Я снова посмотрела на реку.

Ждало ли меня чудовище все еще, разинув пасть?

Я покачала ногами.

Я осматривала русло, пытаясь выбрать участок реки поглубже.

Я не хотела приземлиться на подводный камень.

Мне скорее нравилось мое лицо, и я хотела, чтобы оно осталось без шрамов.

Я хотела бы выглядеть прилично даже после смерти.
С темной поверхности на меня взглянуло лицо папы.
«Съюзан!» Голос у него был строгий.

Брови глубоко нахмурены.

«Что ты делаешь?»

«Папа» Я протянула руку, чтобы коснуться его лица. «Я скучаю по тебе».

«Прекрати», — сказал он тихим голосом.

Папа никогда не кричал.

Он говорил, что у него только один голос — комнатный.

Когда он сердился, голос становился ниже, а не громче.

«Я скучаю по тебе». Я наклонилась вперед.

«Чему я тебя учил?» Он посмотрел на меня с неодобрением — тем самым взглядом, каким смотрел, когда я забывала вымыть руки перед едой. «Ты собираешься выбрать выход труса?»

«Но если я прямо сейчас прыгну, я смогу быть с тобой».

«Нет, не сможешь. Ты станешь раздутым трупом, который перекроет водный путь. Твое тело изрубит на куски винтом лодки. Тебя выловят из реки и переименуют в Джейн Доу. Ты впустую потратишь деньги налогоплательщиков и ресурсы полиции. И со мной ты не будешь».

Я подтянула колени и опустила голову — моя привычная поза, когда папа читал мне нотации.

«Ты не можешь прыгнуть. Не сейчас. Никогда».

«Но я не хочу дожить до завтра. Я не хочу смотреть в ли-

цо»

Часть меня знала, что папа ненастоящий.

Он был у меня в голове.

И все же я не могла заставить себя сказать призраку папы, что мама ему изменила.

Не могла сказать, что Брэндон, его идеальный зять, оказался вовсе не таким уж идеальным.

«Да, сможешь». Папа сжал кулак.

«Как сказал Обама, — он изобразил баритон бывшего президента, — Yes, we can!»

Я улыбнулась.

Папа любил Обаму.

«Сюзан, не забывай: тебе еще нужно кое-что сделать».

«Что?»

ГЛАВА 1. Человек в черном

Козодой пролетел над рекой.

Лицо папы исчезло в ряби.

Я моргнула.

Его не стало.

Но, кажется, я поняла, о чем он говорил.

Да, мне еще нужно было кое-что сделать.

Мне нужно было узнать, как умер папа.

Я собиралась поговорить об этом с мамой.

У меня было столько вопросов.

Но, похоже, она уже жила дальше.

Я вытерла слезы.

Папа был прав.

Я не могла прыгнуть.

Не сейчас.

Не раньше, чем узнаю правду о его смерти.

Я глубоко вдохнула и в последний раз посмотрела на темную воду внизу.

Сорок метров теперь казались пугающей высотой.

Это было почти шестнадцать этажей.

«Ну что, хочешь поговорить об этом?»

Я подумала, что снова галлюцинирую, но голос был не похож на папин.

Я повернулась налево.

Рядом со мной на выступе сидел мужчина.

Он был одет в черное с головы до ног: черная кепка, черная куртка, черные брюки, черные кожаные туфли.

Мне показалось, что я смотрю на статиста со съемочной площадки «Людей в черном».

Единственной нечерной частью его был тлеющий кончик сигареты, зажатой между пальцами.

Я почти протянула руку, чтобы толкнуть его, просто проверить, настоящий ли он.

Но запах никотина подсказал мне, что настоящий.

Когда он успел сесть?

«Держи». Он протянул мне сигарету.

«Я не курю». Голос у меня был хриплый.

«Потому что курение убивает? Но ты ведь все равно собираешься умереть. Почему бы не попробовать?»

Это точно был не папин голос.

У папы был голос, который я любила называть профессорским: низкий, медленный, размеренный.

Голос этого мужчины был таким же низким, но в нем была какая-то музыкальная ритмичность, в отличие от папиной назидательности.

Он был мягким и плавным, как выдержанное вино.

Кепка скрывала большую часть его лица.

Я видела подбородок и губы — тонкие, изогнутые в ленивой улыбке.

Они немного напоминали мне знаменитые губы Адама Левина.

Я обдумала его слова и решила, что он прав.

Живем один раз, верно?

Так что я взяла сигарету двумя пальцами, как видела в кино у мужчин.

Сунула фильтр в рот.

Затянулась.

И тут же закашлялась.

С расстояния никотин пах достаточно приятно.

Но химия оказалась агрессивной.

Она прошла прямо через рот, ударила в горло и набросилась на легкие.

Глаза заслезились.

Я кашляла так сильно, что все тело сотрясалось.

«Эй, не наклоняйся вперед». Он одной рукой схватил меня за запястье, а другой погладил по спине.

Когда мне наконец удалось взять кашель под контроль и снова дышать, он убрал руку и забрал свою сигарету.

Он рассмеялся.

Он осмотрел фильтр. «Я сказал курить, а не плевать. Ты весь кончик намочила».

В тоне его звучало обвинение.

И все же он затаился.

«Ну так что, теперь хочешь поговорить об этом?» — сказал он, докурив сигарету.

Он бросил окурочок в реку вниз.

«О чем?»

Я задумалась, разочаруется ли безымянное чудовище, поймав на ужин сигаретный окурочок.

«О том, почему ты хочешь прыгнуть с моста и стать еще одной цифрой в статистике смертности за этот год».

Я проследила траекторию маленькой красной точки, когда она полетела вперед, а потом вниз.

Всплеска, конечно, не было.

Она была слишком маленькая.

Но держу пари, если бы я нырнула следом, всплеск получился бы большой и внушительный.

«Эй». Он щелкнул пальцами. «Я с тобой разговариваю».

Красная точка исчезла.

Я повернула голову к нему. «Мой муж не может».

«Не может что?»

Мне показалось, что в его голосе мелькнула улыбка, но, может, я ослышалась.

В том, что я сказала, не было ничего смешного.

«Это. Ну, знаешь, то, что мужчины делают в спальне».

«А, это».

На этот раз он рассмеялся вслух.

И продолжал смеяться.

Он запрокинул голову и смеялся.

Плечи у него дрожали.

Если бы на выступе было больше места, подозреваю, он бы катался по полу.

Смех у него был такой же музыкальный, как голос, но меня он раздражал.

Моя боль его забавляла?

Он наконец остановился спустя целую минуту.

Я уже не смотрела на него.

Я сосредоточилась на неясном черном комке, покачивавшемся в реке.

Это могла быть речная трава, или плавучий мусор, или просто мусор, зато он хотя бы не смеялся надо мной.

Он протяжно вздохнул — так вздыхают после хорошего смеха.

«Ты настолько хочешь секса?» — спросил он.

В голос вернулась улыбка.

«Собираешься прыгнуть в реку, потому что муж не может с тобой переспать?»

Он покачал головой.

«Среди причин для самоубийства эта, пожалуй, самая нелепая из всех, что я слышал».

Я фыркнула губами.

Мужчина говорил так, будто опирался на опыт.

Он что, слышал много причин для самоубийства?

Кто он такой, чтобы судить?

Его насмешка меня задела, поэтому я решила сбросить на незнакомца еще одну бомбу.

«Ты прав. Это недостаточно веская причина для самоубийства. А как тебе такая? Он мне изменил». Я выдержала паузу для драматического эффекта. «С моей матерью».

Если у него от этого отвиснет челюсть, так ему и надо.

Кто просил его смеяться над моим несчастьем, а?

Это было его заслуженное наказание.

Я получила реакцию, которой хотела.

Он больше не смеялся.

Под кепкой я не видела его глаз, но просто знала, что он смотрит на меня.

В его взгляде была почти физическая напряженность.

Игнорировать ее было невозможно.

«Это должен признать, достаточно веская причина, чтобы прыгнуть».

И это все?

Он сидел и так долго, так напряженно думал, что я решила, будто он выдаст что-то глубокое.

Теперь настала моя очередь смеяться.

Моя жизнь и правда была такой дешевой драмой, да?

Он встал, перекинул ноги через ограждение, взобрался наверх и спрыгнул по другую сторону.

«Давай». Он протянул мне руку.

Я встала.

Колени у меня едва не подогнулись.

Ноги стали ватными.

Я не думала, когда перелезала через ограждение.

Это был порыв момента.

Но теперь оказалось, что я не могу заставить себя перелезть обратно.

Он обхватил меня обеими руками за плечи, приподнял над землей, перетащил через ограждение и поставил на бетонный тротуар.

Я опустилась на пол.

Он отпустил меня и развернулся.

Я подумала, что он уходит.

Но через три секунды он вернулся с моими туфлями.

С моей точки обзора он казался впечатляюще высоким.

Я видела только его длинные ноги, которые быстрыми, сильными шагами двигались ко мне.

Должно быть, в нем было не меньше метра восьмидесяти пяти.

Даже на своих десятисантиметровых каблуках я едва доставала ему до плеч.

И он был в отличной форме.

«Я могу тебе помочь», — сказал он.

«Что?» Я не поняла.

«Слышала когда-нибудь о фонде Make A Wish?»

«Нет».

«Он помогает исполнять желания смертельно больных пациентов. Вроде настоящей феи-крестной».

Я уставилась на него пустым взглядом.

Зачем он говорит со мной о благотворительности?

«Я могу быть твоей феей-крестной. Ну, крестным, если точнее».

«Я не смертельно больна».

И желания у меня не было.

Подождите, было.

Я хотела, чтобы папа вернулся к жизни, но сомневалась, что незнакомец способен это устроить.

«Но ты ведь была готова умереть, верно? Прямо как смертельно больной пациент. И все потому, что твой муж не может заниматься с тобой сексом. Так что»

Он усмехнулся. «Я могу помочь тебе с этим».

Его глаза были скрыты под козырьком черной кепки, но я готова была поспорить, что в них светился озорной блеск.

На этот раз я поняла.

Я поразилась способности незнакомца делать такое непристойное предложение с таким невозмутимым лицом.

Я скрестила руки на груди и подняла подбородок. «Ты предлагаешь заняться со мной сексом?»

«Можешь понять это и так».

Я потеряла дар речи.

Встреча была до невозможности сюрреалистичной.

Часть меня все еще думала, что я, должно быть, сплю.

Но другая часть была благодарна.

Кем бы ни был этот незнакомец, какими бы ни были его намерения, он хотя бы видел, что мне плохо, и предложил помощь.

Его предложение, как бы насмешливо оно ни звучало, было лучше всего, что предлагал мне Брэндон.

Брак без секса оказался труднее, чем я представляла.

Моя свекровь не утруждала себя тем, чтобы скрывать разочарование всякий раз, когда видела меня.

Мой плоский живот, предмет зависти для многих женщин, у нее всегда вызывал только неодобрительные взгляды.

Ее колкие вопросы и постоянные предложения записать меня на прием в клинику репродуктивного здоровья заставляли меня хотеть заползти в яму и умереть.

Она заставляла меня чувствовать себя неполноценной, будто я мало чего стою как человек, если не могу родить ребенка.

В такие моменты Брэндон вставал, находил предлог и выходил из комнаты.

Я поднимала с ним эту тему.

Может, нам обоим стоит сходить в клинику.

Он начинал защищаться и говорил, что с его телом все в порядке.

Намекал на проблемы с психикой, но отказывался вдаваться в подробности.

Он ни за что не пошел бы в клинику — ни репродуктивную, ни какую-либо еще.

За два года брака он ни разу не предложил мне помочь: ни со своей матерью, ни с нашей жизнью в спальне.

Оглядываясь назад, я видела столько признаков, которые упустила, но влюбленная женщина слепа.

Я шмыгнула носом.

Ночной воздух становился холодным.

Незнакомец стоял, засунув руки в карманы брюк, и терпеливо ждал.

Он предложил отвести меня в постель.

Я окинула его взглядом с ног до головы.

У него было сильное, атлетичное телосложение.

Пах он достаточно приятно.

И голос мне нравился.

Я пожала плечами и решила: какого черта нет?

Не то чтобы я берегла себя для кого-то особенного.

«Ладно», — сказала я. «Куда поедем?»»

«Ко мне».

Он совсем не удивился, что я согласилась на его предложение.

Он заметил, как я растираю голые руки, снял куртку и накинул ее мне на плечи.

«Пойдем».

Он обнял меня одной рукой за плечи и повел к черной Audi R8, припаркованной неподалеку.

Через пятнадцать минут поездки я начала нервничать.

Рациональная часть моего мозга наконец включилась.

Я села в машину к незнакомцу посреди ночи.

Я понятия не имела, куда мы едем.

Мост мы давно оставили позади.

Audi была единственной машиной, несущейся по четырехполосному бульвару.

В голове роились дикие мысли.

Окно с моей стороны было опущено.

Я смотрела, как фонари и деревья отступают размытым пятном, и думала, где, черт возьми, я нахожусь.

«Ты боишься?» — спросил незнакомец.

«Да».

«Чего?»

Разве ответ не очевиден?

Я повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

На нем все еще была эта чертова кепка.

Черная кепка, черная рубашка, черные брюки, черные

туфли.

Единственное, чего не хватало в его прикиде, — балаклава и пистолета-пулемета, и он стал бы идеальным пополнением для банды грабителей банков.

«Ты ведь не плохой парень?»

«Ну а как ты думаешь?»

Он улыбнулся.

Его клыки блеснули под белым плафоном в салоне, придав ему вампирский вид.

«Думаю, ты можешь быть серийным убийцей на ночной охоте. Ты отвезешь меня в тайное подземелье в пригороде, изнасилуешь, потом убьешь или съешь, а-ля Ганнибал Лектор. Или запрешь меня и будешь использовать как секс-рабыню».

Он расхохотался.

Смеялся так сильно, что плечи тряслись.

Я смотрела на его руки на руле и надеялась, что мы не разобьемся.

Это был настоящий смех от души.

Он не остановился, пока мы не свернули с бульвара на двухполосную дорогу.

Он перевел дух, протянул правую руку и взъерошил мои растрепанные ветром волосы.

«Ты слишком много смотришь телевизор. Кроме того, полчаса назад ты была готова прыгнуть в реку. Почему теперь боишься умереть?»

«Кто сказал, что я собиралась прыгать?» Я оттолкнула его руку. «Я просто давала ногам отдохнуть и наслажд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.